

Савиновъ и Чернобаевъ.

Въ истекающемъ году почти вслѣдъ одинъ за другимъ покинули жпаневую сцену три писателя, уроженца вологодскаго края, судьба и литературное значеніе которыхъ были впрочемъ далеко не одинаковы. Скончались Кругловъ, Савиновъ и Чернобаевъ. И если имя автора «Волышка», по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, нельзя совершенно вычеркнуть изъ исторіи русской литературы XIX вѣка, то некрологи двухъ послѣднихъ при своемъ появленіи въ столичной печати, вѣроятно, вызвали бы нѣкоторое недоумѣніе. Между тѣмъ и тотъ и другой давно порвали всякія связи съ Вологдой и собранія своихъ стихотвореній выпустили въ столицахъ. Конечно, удивляться писателю, стремящемуся перешагнуть скромныя границы провинціальной публичности, также странно, какъ пѣвцу, который тянется къ толпѣ и свѣту. Не забудемъ, что и Некрасовъ дебютировалъ въ воронежскихъ «Губернскихъ Ведомостяхъ». Безстрастное время становить въ концѣ концовъ каждого на свое мѣсто.

I.

Евдокій Петровичъ Савиновъ родился въ 1845 году въ г. Тотмѣ въ семьѣ скромнаго полицейскаго чиновника. Не мазыхъ трудовъ стоило родителямъ дать образованіе своему даровитому сыночку. Старшій изъ братьевъ—Михаилъ Петровичъ, родившійся въ 1863 году, блестяще окончилъ вологодскую гимназію и харьковскій университетъ по историко-филологическому факультету и въ настоящаго времени подвизается на педагогическомъ поприщѣ въ качествѣ преподавателя словесности и инспектора классовъ харьковскаго института для благородныхъ дѣвчатъ. Искѣдка онъ выступаетъ въ мѣстныхъ изданіяхъ съ небольшими стихотвореніями и статьями критическаго характера. Евдокій Петровичъ былъ въ два года моложе брата и сначала учился въ городскомъ училищѣ, откуда былъ взятъ, однако,

родителями до окончанія курса въ помещенъ въ гимназію. Выйдя изъ послѣдней всего за годъ до окончанія курса, О. П. пробовалъ приготовить себя къ военному поприщу, уѣхавъ въ Москву и опредѣлился въ юнкерское училище Менте чѣмъ въ годъ выяснилось, что къ строевымъ экзерсисамъ юноша имѣлъ еще меньше расположенія, чѣмъ къ экзерсисамъ изъ Кюнера и Зомы. Покинувъ училище, онъ поступилъ на службу въ Вологду по министерству внутреннихъ дѣлъ и нѣсколько лѣтъ исполнялъ обязанности дѣлопроизводителя дѣтскихъ приютовъ.

Писать стихи О. П. началъ, какъ водится, рано. Въ приложеніяхъ къ ежегоднымъ печатнымъ отчетамъ вологодской гимназіи встрѣчаются стихотворенія, написанныя имъ въ случаѣ различныхъ торжествъ, справлявшихся въ стѣнахъ родной алмазъ patria. Онъ приглашался выступать, какъ признанный поэтъ, въ востраде и по выходѣ своемъ изъ гимназіи. Въ числѣ упомянутыхъ торжественныхъ дней были, если я не ошибаюсь, столѣтіе рожденія поэта В. А. Жуковскаго (1883 г.), столѣтіе рожденія поэта-вологжанина К. Н. Ватюшкова (1887 г.) пятидесятилѣтіе памяти Пушкина (1887 г.) и др. Во второмъ изданіи стихотвореній О. П. (Москва, 1900 г.) стихъ, нарочито выделенныхъ стиховъ, однако, не имѣется. Вѣроятно, еще авторъ призналъ ихъ скачками.

Въ столичной печати стихотворенія Савинова появились начиная съ середины восьмидесятыхъ годовъ. Первымъ открылъ для него свои страницы «Нилосторонный Миръ» («Передъ толпой», № 10, 1885 года). Затѣмъ его произведенія появлялись въ «Восточной Иллюстраціи», «Живописномъ Обозрѣніи», «Русскомъ Обозрѣніи», «Русской Мысли», «Развлеченіи», «Бульварникѣ» и др. Поэты рѣдко равнодушны къ своей славѣ. Еще въ 1882 году О. П. выбралъ шесть своихъ стихотвореній и отпранилъ къ московскій цензурный комитетъ. По благополучномъ возвращеніи оттуда они были напечатаны въ отдѣльномъ листочкѣ (4 стр. в 8^ю и раздавались gratis друзьямъ

и пріятелямъ поэта. Въ 1888 г. стихотвореній накопилось уже такое количество, что О. П. рискнулъ выпустить ихъ отдѣльной книжкой; это первое изданіе, вышедшее въ сравнительно небольшомъ числѣ экземпляровъ (не болѣе 300), разошлось безъ остатка. Между тѣмъ служебная карьера Савинова подвигалась впередъ туго. Да и трудно было разсчитывать, чтобы переписываніе и даже составленіе канцелярскихъ бумагъ могло удовлетворять живого и остроумнаго О. П. По временамъ онъ маркировалъ своими обязанностями; вмѣстѣ съ тѣмъ по рукамъ сослуживцевъ поэта ходили прозрачныя эпиграммы его на представителей губернскаго Олимпа. Особенно недолюбливалъ Савинова тогдашній вице-губернаторъ Лаппа-Старжененкій, являясь слабостью котораго къ ремонтамъ казенныхъ зданій не равня служила удобной мишенью для стихотворныхъ вылазокъ О. П., зачасую доходившихъ до насмѣчекъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ скончался въ Москвѣ уѣхавшій туда для леченія застарѣлаго недуга тогдашній вологодскій губернаторъ Кормилецынъ. Послѣдній смѣтрѣлъ на «шалопа» подчиненнаго—поэта довольно снисходительно; едва ли послѣдній не былъ принятъ за просто въ губернаторскомъ домѣ. Смерть Кормилецына послужила началомъ причинной выхода нашего поэта въ отставку «безъ пенсіи и мундира». Былъ ли онъ до растерянности опечаленъ кончиной благоволившаго ему начальника ида, наоборотъ, по какой-бы то ни было причинѣ, пребывалъ въ неселомъ настроеніи духа, не какъ бы то ни было, онъ продолжалъ «самодѣльный» въ глазахъ А. П. Лаппы куштокъ: составлялъ по собственной инициативѣ оффиціальное приглашеніе пожаловать на панихиду въ кафедральный соборъ во главевавшегося губернаторѣ и разослалъ его по всѣмъ учрежденіямъ. День былъ выбранъ, кажется, нарочито будничнымъ, когда во всѣхъ приказахъ ключемъ кипѣла такъ сказать, самая плодотворная чернильная работа. «Импровизація» закончилась трехдневнымъ арестомъ—

въ частности, а въ общемъ псклю-
чала возможность какого бы то ни
было преуспѣянія О. П. на службѣ
Махуль на послѣднюю руку, Са-
виновъ переселился въ Москву и
поступилъ въѣркомъ въ историче-
скую контору. Въ Москвѣ онъ завя-
залъ болѣе тѣсныя отношенія съ
юмористическими журналами: «Ву-
дильникомъ» и «Развлеченіемъ». Въ
послѣднемъ считался чуть ли не
членомъ редакціи; по крайней мѣрѣ
въ «юбилейномъ» № (по случаю, ка-
жется, десятилѣтія основанія жур-
нала) былъ помѣщенъ его портретъ,
автографъ и соответствующіе тор-
жественному случаю стихи. И тѣмъ
не менѣе литературный заработокъ
его былъ грошовый: подцензурное
остроуміе (даже петербургской «Стре-
ловы» въ опытныхъ рукахъ Васи-
левскаго-Вульфы) не могло обеспе-
чить достаточный тиражъ книгъ — са-
тирическихъ еженедѣльниковъ. Не
могъ радовать Савинова въ Москвѣ
и основной заработокъ. Одна изъ
другой закрывалъ обѣ конторы, гдѣ
онъ имѣлъ мѣсто: наступили въ
полномъ смыслѣ черныя дни для
поэта.

Въ матеріальнымъ лишеніямъ ско-
ро присоединилась неизлечимая бо-
лѣзнь. Старушка мать, живущая въ
Вологдѣ, первая съ ужасомъ замѣти-
ла въ письмахъ сына признаки не-
сомнѣннаго душевнаго расстройствъ.
При содѣйствіи М. П. поэтъ при-
ехалъ въ Вологду и помѣстился въ
Кувшиновскую психиатрическую ле-
чебницу; здѣсь была устроена
наличность прогрессивнаго паралича.
Первое время О. П. еще утѣшалъ
мать; перѣдвѣ мысль его просвѣт-
лялась, онъ начиналъ смутно созна-
вать ужасъ своего положенія, и со-
слезауи умолялъ привезти ему по-
тихоньку яду. Неизвѣстно, сколько
времени вліцалъ бы онъ свою груст-
ную жовань, если бы одно случай-
присоединившееся заболѣваніе не
свело его въ близкую могилу 29 ав-
густа текущаго года (дата первоначальнаго сообщенія оказывалась ошибочной).

Года за два до проявленія пер-
выхъ признаковъ душевнаго рас-
стройства—О. П. началъ подготов-

лять къ печати второе изданіе сво-
ихъ стихотвореній. Оно вышло въ
1900 году въ видѣ изящнаго томика
свыше 150 стр на прекрасной бу-
магѣ. Одинъ пріятель художникъ
нарисовалъ замысловатую обложку.
Женщина въ египетскомъ одѣянніи и
какой то мальчикъ бѣзъ всякаго
одѣянія держали съ двухъ сторонъ
фантастическій струнный инстру-
ментъ. У мальчика былъ широко
раскрытъ ротъ: возможно, что по за-
мыслу художника онъ завывалъ до
пѣрчихъ чигалелей. Цѣна—1 р. 25 к.

Поэзіи Савинова не богата моти-
вами. Въ душѣ поэта постоянно
берутся два противоположныхъ на-
строенія. И если просматривать его
стихотворенія съ самаго начала
подъ-рядъ, то не можеть не бро-
ситься въ глаза, какъ постепенно
бодраяшій привыкъ къ труду, свѣ-
лые гимны красотѣ и молодости,
личному счастью, свободѣ и наукѣ
уступаютъ мѣсто сомнѣніямъ и уны-
вію и наконецъ разрѣшаются безна-
дежной тоской разбитой, и оуд а п
шейся жизни. Стихотворенія рас-
положены приблизительно въ хроно-
логическомъ порядкѣ (что не трудно
было бы установить по ненаданному
труду П. А. Делакторскаго: «Матѣ-
ріалы для словаря писателей-воло-
жанъ») и чрезвычайно характерны
этотъ переходъ отъ мажорной гаммы
первой части сборника къ шемичамъ
сердце элигимъ позднѣйшихъ лѣтъ.
Вотъ, наприѣръ, раннее стихотво-
реніе «Благослови» съ трогательнымъ
посвященіемъ матери.

Благослови.

(Моей дорогой мамѣ).

Мой скромный путь пѣвца вдохновенью,
Пѣана страстей, печалей и любви,
Мой честный пылъ и творчества волненью
Молю тебя, о мать, благослови!
Молю тебя—на правое служенье,
Служенье страждущимъ—меня благослови,
И дай мнѣ силъ отвергнуть поклоненье,
Вотамъ пражды, лживущимъ въ прови!
(стр. 5.)

Тѣмъ же бодрымъ настроеніемъ
и гуманнымъ характеромъ про-
никнуты «Средѣ», «Привыкъ», «Вдох-
новеніе», «Предъ тобою, мой другъ»
и нѣкоторыя другія. Но время идетъ:
жизнь дѣлаетъ свое дѣло; понемногу
рефлексіи накапливаетъ въ душѣ
поэта обильный матеріалъ, кон-

трасть между идеалами и окружаю-
щей дѣйствительностью встаетъ уже
во весь ростъ; но выходы еще есть:
природа, свѣточи человечества, наука.

Въ лѣсу.

Мы здѣсь одни, мы только двое...
Взгляни! какъ мирно все вокругъ,
Въ какомъ торжественномъ покоѣ
Яснѣетъ небо голубое!

О сколько счастья, добрый другъ!

А тамъ, вдали... откуда оба
Мы, истомленные, припавъ,
Тамъ шумный городъ, зависть, злоба,
Борьба за хлѣбъ, вражда до гроба!
О сколько горя тамъ вдали!

(стр. 61).

Стихотвореніе «Лебединая»:

Уже въ надорванной груди
Надежды нѣтъ на исцѣленье
И смерть сулитъ мнѣ впередъ
Покой могильный! и забвеніе...
Покой!... да что въ покой томъ!
Забвеніе-жъ... горько и обидно!
И жизнь ничтожнымъ червякомъ,
Да такъ и скроюсь невидно...
Обидно жизнь свою прожить
Въ печальной участи пигмея
И такъ нехотѣя агасить
Огонь священный Прометея!

уже настоящий реквиѣмъ безплодна-
го существованія. Цѣлый рядъ тоски-
ливыхъ элегій: «Ахъ, юныхъ дней
умчалось время», «Все покорствуешь
сульбѣ», «Племенья переходятъ поко-
лѣнья...», «Безсиліе», «Одно пустое
прозябанье, не жизнь—какой то по-
лусонъ», «Я занемогъ... душа болитъ»,
«Одиночество» и др. Со стороны
формы стихъ С. въ общемъ легокъ
и плавенъ. Досадно, что нѣкоторые
недурныя по замыслу и выдержан-
ныя въ смыслѣ тона вещицы испор-
чены просто небреженіемъ
автора (стеченія согласныхъ, непол-
нота рифмы, неправильное удареніе
и т. д.). Образы нашего поэта не
отличаются яркостью, не претен-
дуютъ на оригинальность, то и дѣло
наталкиваешься на набитыя сравне-
нія и антитезы, узнаешь съ дѣтства
наученныя выраженія. Выстъ съ
тѣмъ — несомнѣнная искренность,
теплота чувства, отсутствіе претен-
ціозной фальши — качества, выгодно
отличающія нашего поэта отъ совре-
менныхъ искателей новыхъ путей
въ вѣчно старомъ царствѣ к р а с о-
т ы и п р а в д ы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Шенфельдъ.

Савиновъ и Чернобаевъ.

(Окончание*).

Евгеній Ивановичъ Чернобаевъ родился въ 1869 году въ захолустномъ мѣстечкѣ явской губерніи, гдѣ временно проживалъ его отецъ, вынужденный профессіей землемѣра таксатора къ частнымъ переселеніямъ съ одного мѣста на другое. Раннее дѣтство свое будущій переводчикъ Конопницкой и Тетмайера провелъ такъимъ образомъ въ краю, гдѣ польская рѣчь, особенно среди питейаггенціи, слышалась, если не чаще, то во всякомъ случаѣ не рѣже, чѣмъ русская. Когда для ребенка приблизились школьныя годы, судьба занесла Чернобаевыхъ въ тотемскій уѣздъ вологодской губерніи.

Здѣсь въ волѣ Устьи Пычягское семейство старелало страшное несчастье: добродушный, любимый товарищами, но упрямый и вольный, какъ новый хохолъ, отецъ Чернобаева былъ убитъ на поварѣ изъ ружья сослуживцемъ послѣ дружескаго заключенія какой-то нехорошей ссорой. Молодая вдова, на рукахъ кото ой осталось пятеро малолѣтнихъ дѣтей едва не лишилась разсудка. Добрые люди помогли семейству кое-какъ перебиться до получения пособія въ видѣ единовременной выдачи годового оклада, какое пришло черезъ 8 мѣсяцевъ. И вотъ, переѣзжая въ Вологду Чернобаева, не покладая рукъ, начинаютъ зарабатывать хлѣбъ. Она даже успѣваетъ помѣстять двоихъ старшихъ дѣтей въ гимназію.

Ужъ съ первыхъ классовъ Е. И. обнаружилъ опредѣленные способности къ словеснымъ наукамъ, въ частности къ древнимъ языкамъ.

Не надо забывать, что это было въ самый разгаръ «железнодорожной» канавы министерства русскаго просвѣщенія, когда изъ безсмертнаго искусства греческаго искусства, а тѣмъ болѣе не гражданскіе подвиги Брута и другихъ великихъ народолюбцевъ должны были воплотить въ образъ и воспитать идеи гражданскаго долга.

* См. № 945.

у подростка похоти, но безсмысленная дѣлалась грамматическихъ исключеній, тысячъ синтаксическихъ тонкостей, терпѣливо отсканированныхъ тупоголовыми чешско-нѣмецкими учеными колпаками—имѣли въ виду наоборотъ убить душу и въ У. заполнить драгоценныя школьныя годы, отвлекая отъ проклятыхъ вопросовъ, настоящихъ какъ весенняя вѣснь, пробивающихся въ пыльныхъ умахъ юности.

Счастливая память юности легко справлялась съ х тросплетеніями греческаго синтаксиса, но, увы, оказывалась бессильной передъ аргументакой: наука лавочниковъ не давалась ему совершенно. Не помогли горю ни немѣнно полные баллы за русскіе сочиненія, ни даже оцѣненные по достоинству успѣхи въ древнихъ языкахъ: гимназію пришлось оставить въ среднихъ классахъ, и скоро нашъ поэтъ мѣняетъ такъ сказать ut finale на ut chorale*) становясь церковнымъ пѣвчимъ. Известна обстановка этой послѣдней профессіи (особенно въ провинціи), съ ея доходами, немаловажной дѣлежкой въ чайныхъ и иныхъ наведеніяхъ съ оередой, иногда на половину состоящей изъ «быстрыхъ людей». Все это съ одной стороны давало, конечно, нѣкоторый матеріалъ для наблюдений, но вообще ставило Ч. въ условія совсѣмъ неблагоприятныя для серьезной работы и творчества. Къ этому времени относится литературный дебютъ Ч.: въ «Родникѣ» за 1891 годъ появляется первое печатное лирическое стихотвореніе Е. И., а черезъ три года въ 1894 г. его имя появляется уже на страницѣ солиднаго «Севернаго Вѣстника».

Эти стихотворные первенцы не были послѣдствіемъ включены почему то Е. И. въ отдѣльное собраніе стихотвореній.

Въ 1893 году Е. И. получаетъ приглашеніе принять участіе въ литературно-научномъ сборникѣ «Богословіе», который задумалъ еще

*) Ира словъ ut finale—название союза въ лат. граматикѣ, ut chorale—нота до. (грам. рад.)

А. А. Карелинъ, а осуществилъ черезъ нѣсколько лѣтъ (можно сказать—о коотверженно) П. А. Днзавгорскій. Здѣсь было помѣщено стихотвореніе Ч. «На мощныхъ крыльяхъ вдохновенія» (посвященное памяти П. рмовтова и яаписанное, вѣроятно, еще въ 1891 году, въ пятидесятилѣтнюю годовщину смерти поэта), а также разсказъ «Простакъ», срагательный, несмотря на почти дѣтскую трактовку сюжета. Ч. написалъ еще нѣсколько романовъ: «В бумажѣ» и другіе, но оставилъ ихъ въ портфель и векорѣ благоразумно, чувствуя что это не его жанръ, отступился отъ беллетристики.

Въ концѣ 90 г. въ судьбѣ Ч. принимаютъ живѣе участіе нѣкоторые изъ его друзей, живущіе въ Петербургѣ, и не безъ труда помогаютъ ему «выбраться изъ вологодской спы»: онъ получаетъ мѣсто въ управленіи желѣзныхъ дорогъ и съ 1897 года почти безвыѣдно живетъ въ столицѣ. Когда въ половинѣ девяностыхъ годовъ наутомый К. Ѳ. Жаконъ организуетъ «Северное книгоиздательство «Парма» (з. м. р.—обозначаетъ дремучій, непроходимый лѣсъ), то одною изъ первыхъ, выпущенныхъ въ свѣтъ книгъ были «Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній Чернобаева».

Въ этотъ петербургскій періодъ своей жизни Е. И. нѣрѣдка печатался въ иллюстрированныхъ еженедѣльникахъ; одно стихотвореніе появилось на страницахъ «Русскаго Богатства»; на одно я случайно попалъ въ сборникъ «Чтецъ-декламаторъ». Въ послѣдніе годы муза Чернобаева нашла себѣ нѣсколько странный пріютъ въ спеціальному обществу вожрожденія животныиъ; а о счастью объясняется тѣмъ, что покойный былъ секретаремъ, а вѣдѣмъ и фактическимъ редакторомъ журнала «Другъ животныхъ».

Материальная сторона жизни Е. И. начала нѣмнѣться къ лучшему. Онъ даже приобрѣлъ небольшую дачку близъ ст. Суйда на Варшавской жел. дорогѣ (неподалеку отъ Гатчины),

сдѣ могъ въ лѣтнее время съ увлечениемъ предаваться своему любимому занятию — рыбной ловлѣ. На службу, помимо своихъ непереставшихъ обязанностей, Е. И. съ любовью несъ труды по устройству и заведыванію библиотекой: его литературная компетенція безъ преувеличеній признавалась сослуживцамъ.

Къ сожалѣнію, здоровье Е. И. не могло похвастаться особенной прочностью. Помимо легкихъ недомоганій, обострившаяся болѣзнь почекъ потребовала продолжительнаго леченія и отдыха въ болѣе благоприятныхъ климатическихъ условіяхъ. Продавъ дачку, Е. И. прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ у родныхъ жены въ черниговской губерніи и возвратился въ Петроградъ вполне оправившимся, какъ вдругъ жестокое двухстороннее воспаление легкихъ черезъ мѣсяцъ свело его въ прежде временную могилу.

На гробъ Е. И. было возложено нѣсколько вѣнковъ отъ сослуживцевъ и друзей. Онъ погребенъ на такъ называемыхъ литературныхъ могилахъ Волкова кладбища. Краткіе некрологи о смерти поэта, если и не совсемъ точные по содержанию, то произведенные несомнѣнной любовью къ почившему, появились въ нѣкоторыхъ столичныхъ изданіяхъ.

Преобладающій характеръ поэзіи Чернобаева — мрачно элегическій. Воспоминанія о трагической смерти отца и стѣсненная обстановка дѣтства съ одной стороны, а съ другой: ранніе, если такъ можно назвать, писательскіе успѣхи въ гимназій, тайное и гордое сознаніе юноши, что онъ, уже съ четвертаго класса бѣгающій по урокамъ, является подмогой труженницѣ-матери и всей семьѣ — все это сообщило ему меланхолическій и замкнутый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣзненно самолюбивый характеръ. Его любимые поэты были Некрасовъ, Ничитинъ и Надсонъ. Современникъ безвременья, восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ онъ зачитывался не только Глѣбомъ Успенскимъ, Гаршинымъ и Чеховымъ, но тщательно слѣдилъ за всѣмъ, что

выходило изъ подъ будничнаго пера Баранцевича, Альбова и Маммина-Сибиряка.

Форма стихотвореній Ч. вообще не отличается внѣшнимъ блескомъ, но мнѣ бы не хотѣлось сейчасъ останавливаться на этомъ. Кроме того, откуда ему было набрать яркихъ и пестрыхъ красокъ, гдѣ было уловить и повторить гармоничныя и смѣющіяся пѣсни юга?

Моя пѣсня.

Мнѣ на сѣверѣ дикомъ жити
Въ безпріютныхъ сугробахъ снѣгомъ
Возпокою пѣсню прощанья
Подъ морознымъ дыханьемъ вѣтровъ.
Полумрачные звуки и краки
И улыбка холодныхъ лучей
Отливались въ синюю сказку
Изъ темноты безконечныхъ очей.
Безпокойная пѣсня звучала,
Какъ бряцанье желѣзныхъ оковъ,
И со стономъ глухимъ замирала
Въ безпріютныхъ сугробахъ снѣговъ.

Этимъ характернымъ стихотвореніемъ Чернобаевъ вводитъ читателя въ свою небогатую мотивами поэзію.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ *осеннихъ* стихотвореній: «Осень вѣстѣ мертвымъ сномъ...», «Медленно тянется осень глухая...», «Доволю я въ осенней неволѣ...», «Завяли пѣсни, какъ цвѣты» и мн. другія. Даже въ *осеннихъ* поэмахъ чувствуется: не солнечный полдень, не цвѣточный коверъ луговъ, не пѣсня жаворонка, а только блѣдный разсвѣтъ, только предвѣстникъ грядущаго дня, но даже и онъ оказывается обманомъ.

Сонъ.

Пронеслась во тьмѣ ночной
Пѣсня праведнаго гнѣва
Содохнувшейся волной
Похороннаго напѣва.
Въ разлетающихся снахъ
Встребезала тѣни ночи
И въ далекіхъ небесахъ
Хоры звездъ сомкнули очи.
Какъ воскреснувшій мертвецъ,
Всталъ разсвѣтъ съ улыбкой блѣдой —
Утѣтеньемъ для сердецъ
Угнетенныхъ долей бѣдной,
А за нимъ на небосклонѣ
Солнце брызнуло лучами,
И растаялъ мертвый сонъ
Подъ живыми небесами.
Я проснулся... Тьма кругомъ:
Туча осени ненастной
Тихо плачетъ о быломъ,
О цвѣтахъ вѣсны прекрасной.

Рѣдко, рѣдко, но и у нашего поэта

прорываются смѣлые бодрящіе призывы.

Въ морѣ.

Взволновалось снова море,
И помчались стаи волнъ
На темнѣющемъ просторѣ
Къ даль туманную мой челнъ.
Расправляетъ крылья туча,
Застылая небеса,
Плещутъ волны, и могуча
Моря дѣлая краса.
Съ гудомъ, шумомъ ходятъ волны
Громъ огня — вѣновь темно...
Варивъ бури мощи полны,
Сердце радости полно:
Водной пѣсней бурь втора,
Я несусь навѣ бездной водъ
И звучитъ мнѣ изъ-за моря
Все слышимый призывъ: впередъ!

Я, конечно, не стану вставать, но мнѣ лично это стихотвореніе кажется чуждымъ Чернобаеву, рефлексивнымъ, надуманнымъ. (Кстати какъ можно, если это картина, а не символика: слышать изъ-за моря призывъ?). Такого же стихотвореніе «Другу», внятое напрокатъ у К. Аксакова, (напримѣръ строки:

И тогда ты скуешь стогрота
Стихъ, грозившій угрозой сурово:
Нѣтъ вѣрнѣе на свѣтѣ меча,
Чѣмъ свободнѣе, честное слово!

Или наизбрѣнѣ (въ стих. «Зимняя пѣсня»).

... въ дни несагоды
Сплавить въ колоколь свободы
Всѣ сокровища души.

По сравненію съ Савиновымъ лирикомъ Чернобаева, несмотря на преобладающую монотонность, все-же богаче образами, картинами, мы видимъ, какъ

... тусклы стали небослоны
И зеркало пруда...
Плыветъ туманъ, жемъ роза,
И въ царствѣ тишины
Разсѣлъ нѣмыя небеса
Холодный серпъ луны.

Какъ: «наготу парчей убогой, прикрывъ, дрожа отъ стужи, лѣсъ», чувствуемъ, какъ «робко ночь нѣмая встаетъ медленной стопой, и, каждый шагъ ея считая, стучать часы...»

Переводовъ изъ польской поэтессы М. Конопницкой, изъ которыхъ многіе очень удачны, можетъ быть, лучшіе изъ всѣхъ появившихся до сихъ поръ, я хочу коснуться отчасти.

М. Швецовъ.